
О.В. ЧЕХА

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ

Описывая различные природные явления, человек часто и весьма охотно наделяет природу теми или иными человеческими чертами и тем самым «оживляет» ее. На языковом уровне это приводит к образованию метафор типа *хмурое утро*¹, на уровне фольклорных представлений – к появлению космологических мифов и легенд о таких персонажах народной мифологии, как Солнце и Месяц (Луна). В настоящей статье будут рассмотрены распространенные в современной Греции и шире – на Балканах легенды о солнце и луне, в которых те предстают людьми, нередко являющимися по отношению друг к другу кровными родственниками (братьями, братом – сестрой) или супругами (мужем – женой) и обладающими человеческими достоинствами и недостатками.

Как солнце, так и луна представляются существами божественной природы в людском облике. В одном из книжных источников прямо указывается, что изначально светила и были людьми, Адамом и Евой: «Бог поставил Адама на восток, чтобы тот светил, и люди принимали его за солнце, а Еву – на запад, чтобы она была луной; из-за того, что Ева послушала змею, Бог залепил ее глиной, и потому она потеряла свой свет» (Πολίτης II, 1965: 810). У славян в Македонии отмечено представление о том, что в месяц превращается самый старый человек деревни после своей смерти и что его лицо можно различить на лунном диске: «Летом дети смотрят на полную луну, различают на ней глаза, нос, рот и думают, что это лицо какого-нибудь старика, который недавно умер; верят, что когда самый старый человек

---

¹ Когда речь идет о небесных светилах, это справедливо не только относительно поэтической речи, как, напр., понт. *tī ἡλ'τ' ὀμμιάτ' ἐφάνθεν* [букв. показался глаз солнца] 'о восходе' (Οἰκονομίδης 1924: 386), но и для бытового языка: напр., диал. ο ἥλιος ξεμυτώνει [досл. солнце высунуло нос] 'о восходе солнца' (Πολίτης 1921: 111).

умирает, он становится месяцем, и так по порядку и другие старики» (Миладиновци 1962: 525).

Даже если небесные светила не изображаются напрямую как люди, в их внешности подмечаются антропоморфные черты – у них находят глаза, нос и уши, т. е. принимают диски солнца и луны за лица / головы². В большей степени это справедливо для произведений малых фольклорных жанров (погодных примет, нарративов о лунных пятнах, текстов запретов и предписаний относительно выполнения разного рода работ), которые в силу небольшого объема не дают развернутого описания внешности или событий из «жизни» солнца и луны: «Αμα το φεγγάρι έχει μύτη, όταν πρωτοφανεί, λέμε πώς τούτο το φεγγάρι θα έχει αέρα» [Если у появляющегося первый раз месяца есть нос, говорим, что этот месяц будет с ветром] (Пелопоннес, Корони) (Λ.Α. άρ.1159); «Αμα το φεγγάρι στήνει – τη μύτη ντου – στο βοριά, θάχωμε βοριάδες» [Когда месяц выставляет нос (т. е. рог, поднятый вверх) к северу, подуют северные ветра] (о Наксос) (Κεφαλληνιάδης 1965: 14). У болгар «уши» около луны предвещают ветры (с. Инжекьой) (Ковачев 1914: 35, 79), про луну с поднятыми рожками говорили, что «месечината зяпа за дъжд» [месяц разевает рот на дождь], и ждали скорых осадков (Пловдив 1986: 299; Ковачев 1914: 75). Самой примечательной чертой внешности небесных светил являются их глаза, которыми они смотрят на землю и освещают ее³. Именно выбитым глазом объясняют народные легенды более слабый (по сравнению с солнечным) свет луны: «Как-то раз, говорят, Солнце и Месяц пошли в рай, чтобы поесть яблочко. И Солнце, вспыльчивое, набросилось на Месяц и выбило ему глаз. Месяц, горько плача, побежал к Богу. “Скажи, кто тебя ударил, чтобы я его наказал”, – спросил Бог. – “Нет, Боженька, не наказывай его, потому что это – мой родной брат”. – ”Ну, раз случилось такое несчастье, теперь не будете больше ходить вместе. Когда он уйдет, тогда ты выходи”». Теперь, когда заходит солнце, выходит месяц» (Наксос) (Κεφαλληνιάδης 1965: 2)⁴. Согласно македонскому поверью из села Баракли, глаз луне не выбили, а залепили навозной лепешкой, и сделала

² «Лицо» на диске может и не принадлежать солнцу или луне. Так, на острове Наксос верили, что посреди месяца – лицо Каина: «Говорят, что тень на месяце – это Каин. Он убил своего брата, Авеля, и был проклят, так что его лицо видно посреди месяца. Человек, говорят, стоит на месяце» (Κεφαλληνιάδης 1965: 3).

³ Подробнее о концепте глаз и зрения небесных светил см. (Младенова 2002).

⁴ Впрочем, у понтийских греков сама Луна выбивает глаз Солнцу за то, что то запачкало ей лицо сажей и уменьшило ее свет: «Солнце и Месяц поссорились. Солнце схватило палку, которой чистят печи, и ударило Месяц, и оттого у него на лице эти пятна. Тот в ответ ударил Солнце и выбил ему глаз, и потому у Солнца один глаз» (Понт, Керасус) (Πολίτης 1965: 127).

это одна девушка, бывшая подруга Луны, – они были «красавицами, каких не сыскать», но позже поссорились, когда не смогли решить, кто из них красивее (Ковачев 1914: 30).

В балканских песнях, сказках и легендах добавляется больше подробностей: солнце представляется молодым мужчиной, нередко называется даже его имя – Райко, Райчо (болг., макед.), Лало (болг., Ловеч) или Константин (у понтийских греков). «Молодцем», «молодым богатырем» именуют появляющийся после новолуния молодой месяц греки: «Καλῶς το τὸ φεγγάρι / τὸ νιὸ τὸ παλληκάρι / κάθε μῆνα γεννημένο / καθέ τρεῖς χαίρετημένο / τὸ κεφάλι του ἀσημένιο, / τὸ δικό μας σιδερένιο <...>» [Добро пожаловать, месяц, / молодой богатырь, / который каждый месяц рождается, / каждые три [недели] прощается, / голова у него серебряная, / а у нас железная <...>] (Маньяки) (Μέγας 1941: 143). Кроме того, в одной из болгарских загадок о луне и звездах у месяца появляется национальность, он прямо назван турком: «Турчина един, турчетата илядо» [Турок один, турчат тысяча]⁵ (Стойкова 1984: 96).

Представления о том, что подобно людям солнце работает с раннего утра и к вечеру возвращается домой ужинать, находят отражение в греческих, македонских и болгарских легендах о матери Солнца, которая готовит для сына обед:

Я это слышал от одного дяди. Он так говорил. Солнцу, после того как оно целый день ходило, его мать готовит ужин. И когда поставит ему ужин, мать прячется за дверью от Солнца. Прячется за дверью. Оно поужинает и уже после того снова восходит (с. Чумово) (Вражиновски 1998: 41).

Когда Солнце садится, мать ждёт его во дворце, и прежде чем оно войдёт <...>, бросает ему сорок буханок хлеба, потому что оно к этому времени уже обезумело от голода. А потом, когда оно уже вошло и село, перед ним ставят сорок печей хлеба, которые оно моментально проглатывает.

Если оказывается, что хлеба ещё не готовы, то <Солнце> приходит в страшный гнев, и тогда горе и его матери, и всем тем, кто

⁵ Не исключено, что речь в данном случае идет скорее не о национальности, а о «конфессиональной принадлежности» луны. Вообще противопоставление «своего», «христианского» солнца и «чужого» «турецкого» месяца типично для Балкан, в связи с чем можно вспомнить распространённое представление, что затмение солнца предвещает беды христианскому миру, а затмение луны – мусульманам.

окажется у него во дворце. Тогда оно пожирает всё, что оказывается у него на пути. Так, однажды, когда его мать приболела и ничего не приготовила, оно съело своих братьев, сестёр и отца. <...> После того как Солнце поело и насытилось, оно ложится вздремнуть. И тогда всё на земле засыпает – люди и животные, вода и море <...> (Πολίτης 1965: 125).

Представления о матери Солнца находят свое отражение и на собственном языковом уровне – в Родобах о заходящем солнце говорили «Хайде Райку при майку!» [Иди, Райко, к матери] (Родобы 1994: 261), а в греческом говоре Каппадокии фиксируются выражения *όλιος πήγε ζσο μάννα* [солнце ушло к матери] ‘о зашедшем солнце’ или даже *όλιος πήγε να βυζάσει το μάννα τ’* [солнце пошло сосать грудь матери] ‘то же’ (Οικονομίδης 1924: 383). В гораздо меньшей степени распространены легенды о матери Луны, у которой та проводит день и о которой известно только то, что она сидит на самом краю света, там, где заходит солнце (Πολίτης 1965: 130), и кормит Месяц ужином (Наксос) (Πολίτης 1924: 156). Не совсем понятно, как соотносятся между собой образы матери Луны и матери Солнца. По мнению сербского исследователя Н. Янковича, это разные персонажи (Янкович 1951: 100), в то же самое время в греческой легенде, когда мать начинает проклинать обидчика дочери, выбившего ей глаз, Луна обрывает ее, говоря: «Ах, матушка, не проклинай, ведь это не чужак какой-нибудь сделал, а братец (т. е. солнце)!» (Πολίτης 1965: 130), чтобы материнское проклятие на пало на Солнце, из чего следует, что мать у Солнца и Луны одна.

Представляя луну и солнце живыми человекоподобными существами, пусть и божественной природы, люди пытались связать их отношениями, копирующими привычные всем человеческие связи. Вследствие этого появилось несколько «сценариев», нашедших свое выражение в космологических мифах и легендах, известных уже древним индоевропейским традициям, где месяц и солнце выступают как соотнесенная друг с другом пара существ, объединенных узами брака (муж – Месяц, жена – Солнце) или кровного родства (близнецы) (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 685). Эвел Гаспирини, говоря о солярном культе, областью распространения которого являются Средиземноморье (включая интересующий нас Балканский регион), Ближний Восток, Индонезия, Океания и Центральная Америка, отмечает как одну из основных его черт представление солнца мужчиной, супругом луны – женщины; в то время как на территории северной Евразии и Северной Америки, для которых культ солнца не характерен, солнце представляется женщиной, сестрой мужчины-месяца (Gasparini 1973: 579–580). Согласно приводимой им карте (см. карту), в

мировых традициях солнце может выступать а) мужчиной, супругом или братом луны (зона 1 на карте – Центральная, Восточная, Юго-Восточная Евразия, Скандинавия), б) мужчиной, супругом луны (зона 2 – Балканский полуостров, Средиземноморье, Ближний Восток, Индия, а также частично Южная и Северная Америки), в) братом луны, также представляющей мужчиной (зона 3 – Южная Африка, Австралия), г) мужчиной, любовником Венеры (зона 4 – Центральная Африка).

Карта.

Пол и отношения небесных светил по отношению друг к другу

Применительно к балканскому материалу, который входит в зону 2, карта справедлива лишь отчасти. Так, в греческой традиции широко представлен сюжет женитьбы солнца на луне (при этом, в силу своей огненной природы и горячего нрава, молодой муж сразу же обнаруживает себя большим ревнивцем):

Солнце женилось на Луне. Взяло оно её в жёны, любило её, но и очень сильно ревновало. Поэтому всякий раз, когда Солнце было дома, Луна не показывалась, оставалась спрятанной. Но ей тоже хотелось немножко погулять, вот она и высматривала, когда уйдёт муж, потому что тот был охотником и каждый день уходил на охоту. Когда уходило Солнце за горы и не слышало её шагов, Луна, закутанная до глаз, выглядывала, не идёт ли муж. Если она замечала его приближение, его лучи, то скрывалась, но если муж

не приближался, то Луна открывала своё лицо и здоровалась со всем миром. Но всё равно, видя, что с востока из-за гор идёт муж, возвращалась домой. И так всегда жила в мире со своим мужем (Πολίτης 1965: 128).

Солнце взяло себе в жены прекрасную Луну, перед красотой которой бледнели все другие звезды. На свадьбу позвали всех Бесмертных. Рядом с блистающим Солнцем стояла скромная и светлая Луна. Смотрели на нее боги и ели ее глазами. Каждый желал сделать ее своей. А богини в то же самое время изо всех сил сдерживались, чтобы не наброситься на нее. Супруг, который понял, чего хотели боги, сразу же по окончании свадьбы увел жену и отвел ее в покои, куда не попадал солнечный свет. Они заняли место ниже всех прочих богов и потому остались самыми последними. От большой своей ревности <муж> желал, чтобы ни один взгляд не упал на его жену. Поэтому он отпускает ее только ночью, а весь день ходит сам. На каждый двадцать восьмой день, когда она сменяет все свои фазы, <солнце с лунной> сближаются, ненадолго сходятся и целуются, а снова расходятся. Она, удаляясь, идет на закат, а он, поднимаясь на востоке, не находя себе места от ревности, день и ночь вокруг нее ходит (записано от Георгия Дритсаса, 65 лет в 1970 году) (Коринфия, Пелопоннес) (Σαρλής 2003: 331–332).

Этот же сюжет представлен в народной песне:

Ὁ Ἥλιος ἐπαντρεύτηκε κ' ἐπῆρε τὸ
Φεγγάρι.
Ἐκάλεσε καὶ ᾿ς τὴ χάρὰ συμπεθερι-
οὺς τὰστέρια.
τὰ σύγνεφα τοὺς ἔστρωσε στρώματα
γὰρ νὰ κάτσουν,
τοὺς ἔβαλε προσκέφαλα τοῖς ράχαις
ν' ἀκουμπήσουν
τοὺς ἔβαλε καὶ τράπεζα ᾿ς τοὺς κά-
μπους τὰ λουλούδια,
τοὺς ἔβαλε φαεῖ νὰ φᾶν τὸ μόσκο καὶ
τὰ ἄνθη.
κрасί τοὺς ἔδωκε νὰ πιοῦν θάλασ-
σαις καὶ ποτάμια.
Κί' ἀπ' ὅλα τ᾿ἀστρία τ' οὐρανοῦ ὁ Αὐ-
γερινὸς δὲν ἔρθε.

Женилось Солнце и взяло за себя
Луну.
Пригласило на свадьбу родичей-
звезд.
Чтобы было где им сидеть,
облака постелило им.
Утесы стали изголовьем, чтобы
им было куда прислониться.
Цветы на лугах стали им столом.
Благоуханьем и цветами
угощало их.
Реки и моря дали им вина для
питья.
Из всех небесных звезд не
пришла лишь одна Зарница.

Κι' αὐτοῦ πρὸς τὸ ξημέρωμα ὁ Ἀυ-
 γερινός ἐφάνη,
 Φέρνει τὸν Ὑπνο ζωντανὸ ἔς τὰ νιό-
 γαμπρα πεσκέσι,
 Φέρνει καὶ ἔς τοὺς συμπεθεροὺς λυ-
 χνάρι νὰ τοὺς φέξῃ
 νὰ φύγῃ νὰ πᾶν ἔς τὰ σπίτια τους, τὰ
 νιογάμπρα νυστάζουν.

Она появилась ближе к рассвету
 И принесла в подарок
 новобрачным здоровый сон,
 Принесла родичам светильник,
 чтобы осветить им,
 Когда новобрачные захотят
 спать, и они все пойдут по домам
 (Πολίτης 1924: 127).

В свадебных величальных песнях невесту сравнивают с луной, а жениха – с солнцем: «Ἦλιος εἶν' ὁ υἱὸς γαμπρὸς κ' ἡ νύφη ναι φεγγάρι» [Солнце – молодой жених, а невеста – луна] (Фракия) (Πολίτης 1924: 128). Наконец, мужем и женой или хозяином с хозяйкой оказываются солнце и луна в загадке с северной Эвбеи: «Ὅταν φύγει ο ἀφέντης κί' ἀπομείνει η κυρά / τα λυχνάρια ένα-ένα μας ἀνάβει με χαρά. Τι εἶναι;» [Когда уходит хозяин и остается хозяйка, / она зажигает к нашей радости один за другим светильники. Что это?] (Σέττας 1967: 17).

Тем не менее, нередки указания на то, что Луна – младший брат (Фракия, о. Наксос) или младшая сестра Солнца (Понт, Македония), как в следующей легенде:

Однажды солнце и луна были братом и сестрой и ходили вместе по одной дороге. В один из дней Солнце рассердилось и выбило глаз несчастной Луне (и сегодня еще луна – одноглазая, посмотрите и увидите). Тогда Луна развернулась и побежала, плача, к своей матери. – Мать ее сидит на краю света, там, где заходит солнце. – Та, как увидела Луну, слезы залили ей лицо, но успокоилась она и сказала: «Успокойся, девочка моя хорошая, что с тобой случилось? Что это за кровь у тебя? Ох, доченька моя, выбит у тебя глаз! Кто же это сделал такое злодеяние, пусть бы он мучился вечно! – Ах, матушка, не проклинай [его], потому что это не чужак какой сделал, а родной мой братец. – Да как же, дочка, это произошло? – Да шли мы потихоньку по дороге, и я не знаю, что я ему сказала, когда мы были вдвоем, но так он меня ударил, что у меня искры из глаз посыпались. Упала я на землю и не понимала, где нахожусь. Когда я пришла в себя и поднялась, то глаз у меня уже вытек. Ах, матушка, что же я, горемычная, претерпела! Как же я теперь буду с одним глазом! – Молчи, дочка, молчи, – говорит ей мать, – не должно было свершиться такое зло, но сейчас, раз уж оно произошло, что нам делать? Наш плач ничего не изменит. Видно, должно было так произойти. Теперь

знаешь, что сделаешь, дочка? Больше не будешь ты ходить вместе с этим склочником одной дорогой, вот придет он, тогда ты пойдешь, а когда выйдет он – тогда ты возвращайся». И потому сегодня солнце и луна никогда не выходят вместе (Македония, Лакковикия) (Політс 1965: 128).

Гораздо важнее, однако, то, что в фольклоре балканских славян мотив «Луна – жена Солнца», вообще мотив брака Солнца и Луны, практически не представлен, хотя спорадически фиксируется на болгарском материале: в юго-восточной Болгарии солнце и луну представляют семейной парой (Сакар 2002: 232); верят, что Луна не выходит днем светить вместе с Солнцем после того, как однажды она захотела выйти замуж за брата (Солнце) и ее прокляла мать (БМ 1974: 213), см. также ниже текст о том, как расстроилась свадьба Солнца и Луны. Как правило, невестами Солнца становятся земные девушки (хубава Маринка, Радка, Грозданка, Добринка, Калина), которых Солнце похищает в день св. Георгия, спуская с неба золотые качели. В одной из песен в роли супруги Солнца выступает «заморская девица»:

Заженило се е ясно слънце
за момиче презморянче
и калесало ясен месец кум да бъде
ясната зора девер да бъде,
а всичките звезди – все сватове

Женилось ясное солнце
на заморской девице,
позвало ясный месяц посаженным
отцом,
ясную зарю шафером,
всех звезд – сватами.
(с. Вършило, Странджа)
(Странджа 1996: 217)

С одной из земных жен Солнца связана легенда о происхождении ласточки: девушка Марийка вышла замуж за Солнце, три года постилась и не видела мужа, поэтому тот решил, что она умерла, и вторично женился на звезде Денице. На свадебном пиру Марийка проговорила, что была первой супругой Солнца, и в наказание превратилась в ласточку (Родопи 1994: 10).

Часто рассказывается о том, что Солнце только собиралось жениться, но в последний момент свадьба расстроилась. Если бы она случилась, то привела бы к катастрофе – родились бы новые солнца, от жара которых сгорела бы земля.

Хотело Солнце жениться и всех позвало, и все были согласны, что Солнце женится. Приехал и еж на хромом осле, привязал его и положил перед ним камень, корм ослу. «Почему

ты положил мне камень?» «Потому», – отвечает. «Одно солнце не жжет, – говорит, – но это теперь. А когда женится, говорит, и появятся у него дети, и будет у него потомство, то ничего не останется. Только камни останутся». И вот, раздумало <Солнце> жениться. Расстроил еж свадьбу (Вражиновски 1998: 42–43).

Солнце решило жениться на луне. Пришли два небесных светила просить позволения у Бога. Тот подумал-подумал и сказал им, что не могут одновременно светить на небе два таких сильных и ярких молодожена, а иначе сожгут землю. Тогда солнце взяло воловью лепешку и измазало Луну. Поэтому она светит слабее и выходит ночью, чтобы не встретиться с Солнцем (Родопи 1994: 10).

Делали тогда свадьбу Солнцу, и собрались тогда не только животные, но и эти другие, главные, все святые по церквям, ну, которые с крыльями. Устроили свадьбу на Петров день. Свадьба, жарко, страшная жара. Все едят, пьют, музыканты играют, в тени танцуют, а святой Петр натащил большой костер как на Рождество. И так жарко, а он вокруг огня греется, как сало жарится, аж пот с него. Все его ругают:

– Что ж это ты так?

– Вы ничего не знаете!

– А что? – сказали ему.

– Ну вот вы сейчас жените Солнце, – сказал он. – С одним не можете выдержать, а как оно сейчас женится, двое их как будет, ну и Господь ему даст как людям детей, Солнцу солнышек. И земля будет гореть!

И они как поняли, что это так, ну и разогнали свадьбу и сказали ему:

– Солнце не женится, но и не умрет!

И всегда оно будет. И женщина от него не скроется. Никто не может скрыться от солнца (Вражиновски 1998: 42).

Заключительные слова легенды перекликаются с историей красавицы Маринки, уже упоминавшейся выше, о которой поется в песне, исполняемой в Иванов день (Маринов 1981: 42). Бездетная царица Домна попросила у Солнца принести ей волшебную траву, чтобы родить ребенка, и согласилась на его условие – отдать дитя ему, если то окажется девочкой. Родилась девочка, красавица Маринка, которую мать, решившись нарушить уговор, прятала от солнечного

света и которую Солнце подняло к себе на золотых качелях⁶, поскольку скрыться от Солнца нельзя.

Из представлений о маскулинности Солнца, о продуцирующей силе солнечного света родилось предписание прятать от него незамужних девушек⁷. Разумеется, на практике оно было неосуществимо, однако в греческом поэтическом языке привело к появлению общего места в описании красоты и достоинства девушки: «Люблю я деву белокурую и черноглазую / ей двенадцать лет, и солнце не видело ее» (Ιωάννου 1994: 213), «Ах, Харон [т. е. Смерть], как же ты мог поступить так с дорогой моей дочерью? / Ведь я же ее купала в темноте, заплетала при лунном свете, / причесывала при свете Плеяд» (Μάρκρης 1994: 82) и т. д.

Таким образом, поскольку в болгарской и македонской традициях солнце остается мужским персонажем, но в брак либо не вступает, либо выбирает в жены земную девушку, то Солнце и Луна связываются между собою узми кровного родства, где Луна – это младшая сестра (Пирин, Пловдив, Сакар, Странджа) или (реже) младший брат (Сакар, Ловеч) Солнца. Из приведенных выше примеров видно, что зачастую именно кровным родством объясняется невозможность для Солнца взять в жены Луну (мать проклинает свою дочь-Луну, мажет ее грязью). Соответственно, ни болгарский, ни македонский, ни греческий материал не ложится органично ни в одну из двух зон карты, предложенной Э. Гаспирини, – греческая традиция помимо супружеской пары Солнца и Луны располагает еще примерами того, что эти светила являются братом и сестрой, а для болгарской и македонской традиций сравнительно редко представления о браке Солнца и Луны.

Тем не менее, греческая, болгарская и македонская традиции демонстрируют больше сходжений, чем различий. Главным образом это

⁶ Некоторыми особенностями сюжета эта песня о Солнце, забирающем «своего» ребенка, напоминает одну северногреческую легенду об Александре Македонском. Бездетная царица соглашается родить ребенка от Солнца с условием, что спустя какое-то время придется отдать его отцу «править на небе». Родается Александр, в доме закрывают все двери и затыкают все щели, но Солнце, увидев момент, утягивает сына на небо золотым лучом (подробнее Чёха 2014: 40).

⁷ В тех традициях, где мужской символикой наделяется месяц, сходные представления связываются именно с ним. Так, румыны считали, что Новый король [Crai nou], т. е. появившийся после новолуния месяца, крадет земных девушек и уводит к своему двору (Niculiță-Voșinca 1903: 614); а по одному из немецких поверий девушка, которая покажется раздетой при свете луны, забеременеет (Chelcea 1987: 313).

относится к роли Солнца, его безусловного доминирования в ряду прочих небесных светил. Если мы двинемся выше по карте, то увидим, как меняются представления о солнце и месяце у других южных славян – сербов, хорватов и словенцев. Типичным для этих традиций является мотив «Месяц – жених», и широко представлены тексты на сюжет женитьбы Месяца с утренней звездой Денницей или земной девушкой, (реже) с Молнией (Янкович 1951: 63; СМР 1970: 201). Так, например, в хорватской песне к красавице Мандалине приходят сваты от Месяца:

Majka budi lipu Mandalinu:
Ajd ustani, lipa Mandalino!
U dvoru ti troji prosioci:
Jedni prose za žareno sunce,
Drugi prose za sjajnog mjeseca,
Treći prose za sedam vlašića

Мать будит красавицу Мандалину:
Давай, вставай, красавица Мандалина!
На дворе трое сватов к тебе:
Первые сватают за жаркое солнце,
Вторые сватают за светлый месяц,
Третьи просят за семерых влашичей
(т. е. за Большую Медведицу)
(Ристески 1995–1997: 101).

В сербской песне эти же сваты приходят к Утренней звезде (Янкович 1951: 100).

Другими словами, роль активного персонажа переходит к Месяцу, или, правильнее сказать, он сохраняет ее (поскольку в наиболее архаичных культурах именно Луне / Месяцу отводилась главенствующая роль⁸).

Безусловно, большое влияние на то, увидят ли в Луне Солнцеву сестру (болгарский, македонский вариант) или жену (греческий вариант), или же мужа звезды / земной девушки (сербский, хорватский вариант) оказывает грамматический род слов, используемых для номинации солнца и луны⁹. Однако гораздо важнее языковой категории рода является

⁸ Это, в частности, прослеживается на Древнем Востоке, где в шумерской космогонии бог солнца Уту – сын бога луны Нанны – занимает подчиненное по отношению к отцу положение. Подробнее см. (Иванов 1988).

⁹ В новогреческом языке ήλιος ‘солнце’ – слово мужского рода (и колебаний по роду у него нет), литературное σελήνη ‘луна’ – женского, диалектное φεγγάρι ‘луна’ – среднего. Со средним родом соотносится пассивное, в данном случае женское, начало, и потому в ряде случаев луна предстает девочкой (κορίτσι – ср. р.), а чаще – женщиной. Сербское *месец* – слово мужского рода, и потому он персонифицируется как мужчина. При этом болгары и македонцы верят, что луна может менять пол, быть то мужчиной, то женщиной; соответственно, в этих языках

народное представление о том, какое светило главнее, старше, сильнее. Судя по разобранному материалу греческих, болгарских и македонских текстов, рассказывающих о луне и солнце как о людях, в этих традициях мысль о том, что Солнце «старше» Луны, получает наиболее полное выражение. Под старшинством может пониматься, во-первых, возраст (отсюда представления Луны младшей сестрой или младшим братом Солнца), во-вторых, более высокий социальный статус, который в традиционном обществе принадлежит мужчине, и потому солнце часто выступает мужчиной, мужем (в том числе и мужем Луны). Луна же, в свою очередь, примет на себя роль «старшего» по отношению к звездам, которые будут восприниматься как «младшие», мелкие и тусклые; и если луну называют «чужим» солнцем, то созвездие – «чужой» лунной: напр., *влашка месечина* [валашская луна] ‘Плеяды’ (Македонски фолклор I: 166; VII: 13, 200).

Литература и источники

БМ 1974 – Българска митология. Энциклопедичен речник / Съставител А. Стойнев. София, 1994.

Вражиновски 1998 – Народна митологија на македонците. Етнографски и фолклорни материјали / Редакција Т. Вражиновски. Скопје; Прилеп, 1998. Кн. II.

Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в двух частях). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Иванов 1988 – *Иванов В.В.* Соляные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 461–462.

Јанковић 1951 – *Јанковић Н.Ћ.* Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама Срба. Београд, 1951. (СЕЗб. 1951. Књ. 63.)

Ковачев 1914 – *Ковачев Ђ.Д.* Народна астрономија и метеорологија // СБНУ. 1914. Кн. 30. С. 1–85.

Маринов 1981 – *Маринов Д.* Избрани произведения. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1981. Т. 1.

Миладиновци 1962 – Миладиновци. (Македонске песни). Зборник. Скопје, 1962.

для номинации луны используются две лексемы – *месец* ‘растущая (и убывающая) луна’ (мужского рода) и *месечина* ‘полная луна’ (женского рода) (Вражиновски I, 1998: 79; Ковачев 1914: 28), ср. также у словенцев «Kadar mesec parašča, je mesec, kadar rojema, je luna» [Когда месяц растёт, это – месяц, когда уменьшается, это – луна] (Möderndorfer 1946: 98).

Младенова 2002 – *Младенова Д.* ‘Глаза’ и ‘Зрение’ небесных светил: связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре // Славяноведение. 2002. № 6.

Пирин – Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.

Пловдив 1986 – Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.

Ристески 1995–1997 – *Ристески Љ.С.* Култот кон месечината во народната религија и фолклорната традиција на балканските словени // *Balkanoslavica* 22–24. Прилеп, 1995–1997. С. 99–111.

Родопы 1994 – Родопи. Традиционна народна духовна и социално нормативна култура. София, 1994.

Сакар 2002 – Сакар. Етнографско, фольклорно и езиково изследване. София, 2002.

Странджа 1996 – Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.

СМР 1970 – *Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.

Стойкова 1984 – *Стойкова С.* Български народни гатанки. София, 1984.

Чѐха 2014 – *Чѐха О.В.* Новогреческие легенды об Александре Македонском // Живая старина. 2014. № 2. С. 38–43.

Chelcea 1987 – *Chelcea I.* Reflexe mitologice cu substrat social și preistoric în cultura populară românească // *Revista de filosofie*. Nr. 3. 1987. P. 293–313.

Gasparini 1973 – *Gasparini E.* Il matriarcato slavo. *Antropologia culturale dei protoslavi*. Sansoni, Firenze. 1973.

Mönderdorfer 1946 – *Mönderdorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Celje, 1946. Kn. 5. Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha.

Niculiță-Vorinca 1903 – *Niculiță-Vorinca E.* Datinile și credințele poporului român adunate și așezate în ordine mitologică. Cernăuți, 1903.

Ιωάννου 1994 – *Ιωάννου Γ.* Τα δημοτικά μας τραγούδια. (εκλογή-εισαγωγή-σχόλια. Γιώργος Ιωάννου). Αθήνα, 1994.

Κεφαλληνιάδης 1965 – *Κεφαλληνιάδης Ν.* Από την λαογραφία μας. Η Σελήνη στις Ναξιακές παραδόσεις. Νάξος, 1965.

Μάκρης 1994 – *Μάκρης Μ.* Δωδεκανησιακά δημοτικά τραγούδια. Ρόδος, 1983.

Μέγας 1941 – *Μέγας Γ.Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Εκδιδόμενη επιμελεία του διευθυντού του αρχείου. Αθίνα, 1941–1943. Τρίτο έτος.

Οικονομίδης 1924 – *Οικονομίδης Δ.* Προσωποπία του ηλίου // *Ημρολόγιον*. 1924. Σ. 383–394.

Πολίτης 1921 – *Πολίτης Ν.Γ.* Λαογραφικά σύμμεικτα: Ο Ήλιος κατά τους δημώδεις μύθους / Η Σελήνη κατά τους μύθους και τας δοξασίας του ελληνικού λαού. / Οι περί αστέρων και αστρισμών μύθοι. Αθήνα, 1921. Τ. Β.

Πολίτης 1965 – *Πολίτης Ν.Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσας του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήναι, 1965. Τ. Α΄ – Β΄.

Σαρλής 2003 – *Σαρλής Β.Π.* Λαογραφικά σύμμεικτα του Δήμου Φενεού Κορινθίας. Παραδοσιακή καθημερινή ζωή, επαγγέλματα: Καταγραφή 1962–2000. Ακαδημία Αθηνών, 2003. Τ. Β΄.

Σέττας 1967 – *Σέττας Δ.Χρ.* Αινίγματα απο τη Βόρεια Ευβοία με προλεγόμενα. Αθήνα, 1967.